

ОСТИН МАРС

Ангел. Право выбора

Остин Марс

Ангел. Право выбора

«Издательские решения»

Марс О.

Ангел. Право выбора / О. Марс — «Издательские решения»,

Что делать, когда понимаешь, что твоя жизнь тебе не принадлежит? Тебе всего семнадцать, а на твои плечи давит ответственность мирового масштаба, ты должна всему миру, а тебе никто ничего не должен. У тебя нет права на слабость, нет друзей, нет любимого человека. То есть, как бы есть... но права на него ты не имеешь. Жизнь окончательно теряет смысл, мир ополчился против тебя, олимпийские кольца окружают тебя смертельной клеткой, из которой нет выхода! Что делать? Не ангела же звать, в самом деле.

© Марс О.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Ангелёнок	8
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ангел. Право выбора

Остин Марс

© Остин Марс, 2016

© Виктор Игумнов, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

День начинался, в общем-то, довольно обычно. Я даже почти не проспал и почти не опаздывал на работу. И троллейбус мой почти не сломался, только периодически останавливался, да тётка-водитель выбегала смотреть «шо ж там стучить?». Люди злились, ругались и потели, я злился за троих. Сегодня моему отделу нужно было сдать альфу, в которой недоработки не просто где-то были, а прямо-таки где только не были. Я всё утро проходил в ожидании неминуемого армагеддона, гадая только – просто премии лишат, или ещё и оштрафуют?

После очередной остановки, тётка наконец решилась и заорала всем, чтоб выходили. Я почти с облегчением вылез из осточертевшего жестяного батискафа, поправил рубашку и потопал пешком. Опоздал я уже точно, так что спешить, срывая подмётки, смысла нет, поэтому я шёл почти вразвалочку.

Конец лета, жаркое и пыльное время. Ксюха взяла отпуск и укатила на какой-то международный форум по своей рисовальной части, звонила каждый день, напоминая, чтоб я не забыл полить цветы и покормить кота, да и сам не умер с голоду в её отсутствие. Первые два дня прошли на отлично, а на третий я уже начал скучать – видеть по утрам на соседней подушке потягивающегося лохматого кошака Гаврюшу совсем не так круто, как лохматую девушку. Да и от непривычно пустого мольберта становилось тоскливо. Ну ничего, – я мысленно вздёрнул подбородок, – сегодня четверг, в пятницу у неё всё закончится, а утром в субботу она уже проснётся дома, и всё будет как раньше, как на протяжении всех моих счастливых пяти лет.

В небе мелькнула короткая белая молния, я прищурился – что за чёрт? Небо чистое, ни облачка, может, просто показалось?

– Здравствуй, ангел.

Я посмотрел на идущего рядом мужчину, сердце заколотилось в предчувствии чего-то катастрофически ненормального. Давно я его не видел, уже стал забывать, в честь кого назвал кота.

– Здравствуй, архангел, – с улыбкой ответил я. – С чем пожаловал?

Мужчина рассмеялся, покачал головой:

– Значит, не забыл! Я думал, забудешь, причём быстро и с превеликой радостью.

– Начало одно время забываться, но я стал специально освежать каждый вечер в памяти то время. Чтобы не забыть, во что мне обошлось это сомнительное счастье и не повторять ошибок.

– Сомнительное? – нахмурил брови Гавриил.

– Ну, – я помялся, – иногда так кажется. Ксюха, знаешь ли, не подарок.

Он пожал плечами:

– Ты сам её себе подарил, так что пенять можешь сколько хочешь. Любовь твоя как?

Мне почему-то стало стыдно. Я уже давно не видел пушистое каштаново-рыжее существо, похожее на смесь белки, кошки и покемона. Иногда длинный хвост мелькал за мольбертом или свисал из Ксюшкиного кармана, пару раз ухо с кисточкой выглядывало из-за монитора. Но я давно уже её не гладил, не слышал, как мурлычет моя личная пушистая шизофрения. А жаль.

– Понятно, – вздохнул архангел. – Плохо, молодой человек.

Я опустил голову, я и сам это знал. Где-то внутри нарастала, как лавина, тревожная дрожь, интуиция билась в барабаны и вопила «прячься!!!». Я не понимал в чём дело. Синее небо, солнечный людный город... улыбающийся мудро и всепрощающе архангел.

– Что случилось? – настороженно спросил я. – У меня всё в порядке, мне ничьё вмешательство не нужно.

– Ты в мире не один, – Гавриил перевёл взгляд на свои ботинки, помолчал, я молчал тоже, предоставив ему выкручиваться самому. Он вздохнул, – я вынужден просить тебя о помощи, ангел.

Мои глаза округлились, я даже остановился и повернулся к нему лицом:

– Помощи? Моей? Ты?!

– Мы. Мы все.

– Да что такое могло случиться, что обо мне вспомнили?

– Ситуация, очень похожая на твою.

Я замер. За почти два года я успел подзабыть свои тогдашние метания, почти поверил, что жизнь сама сложилась так, как сложилась. Голова забивалась новыми впечатлениями и проблемами, я перессорился с начальством и ушёл работать к конкурентам, вскоре сам стал начальством и теперь все ссорились со мной. Мой отдел был передовым и образцовым, но иногда случались и провалы, причём составляющие достойный противовес достижениям и победам. Сегодня должен был быть один такой. На работу остро не хотелось.

– Какая ситуация?

– Один человек захотел изменить свою жизнь, но... не смог. Там всё совсем не так, как у тебя, но мне кажется, что помочь в этом случае можешь именно ты.

– Почему? – нахмурился я. Гавриил улыбнулся, хитро посмотрел мне в грудь:

– Просто мне так кажется. Вы очень разные, но вы нужны друг другу... Так ты поможешь?

– А у меня есть выбор? – фыркнул я, он посерьёзnel:

– Выбор всегда есть, ты же знаешь. Если откажешься – этого разговора не было.

И я пойду на работу, получать нагоняй от шефа и давать нагоняй подчинённым... Перспектива полетать по временам становилась всё привлекательней.

– А можно подробности технического задания? – Нахально осклабился я.

– Это значит – ты согласен? – Улыбнулся в усы архангел, я кивнул, хмуро косясь на виднеющееся отсюда здание офиса.

– Тогда держи, – он достал из-за спины мой надломанный меч, перехватил за лезвие, протянул. – А подробности она тебе сама расскажет.

– Она? – Я открыл рот от изумления, провожая взглядом уносящуюся в небо короткую молнию. В её мерцании мне почудился добродушный смех.

Часть 1. Ангелёнок

Когда мир размылся и потускнел без привычно незаметной духоты и лёгкого ощущения ветра в волосах, я почувствовал себя довольно странно, как будто немного пьяным или не спавшим пару суток... В памяти что-то ворочалось, перестраивалось, те моменты, которые я давно отнёс в разряд бреда или странной выдумки, вдруг обретали объём и чёткость, я как-то постепенно вспомнил всё то, что уже привык считать полузабытым ярким сном или впечатлившим в далёком детстве фильмом.

Я был ангелом. Чёрт возьми, самым настоящим ангелом, с серебряным мечом и вот-такенными крыльями! Я летал, проматывал время и... и видел, как моя Ксюшка прыгает из окна. Чёрт, а вот это воспоминание можно было бы и навсегда стереть.

Ладно, что у нас имеется? Меч, крылья, полное отсутствие физических законов и ощущения их действия. А ещё, меня где-то ждут. Закрыв глаза, я прислушался, пытаюсь уловить чуть слышное дыхание кого-то, кому я очень нужен... Гавриил сказал, что это женщина, мне, в принципе, без разницы, лишь бы адекватная.

Хотя, если человек носится по временам, пытаюсь радикально изменить свою жизнь, вряд ли в нём осталась хоть капля адекватности, ой вряд ли. Я пару лет назад сам таким был, отлично помню. Так, кажется, нашёл. Резкий вертикальный старт и вот я уже пронзаю облака, глядя на маленький мир с высоты полёта среднего Боинга, наслаждаясь ветром и нереальной лёгкостью – я опять летаю! А тот, кого я ищу, находится вон там. Крутое пике, из которого можно выйти удачно, только напрочь игнорируя гравитацию и инерцию, закончилось под потолком огромного стадиона, полного народа. Где это я? Надо спросить у моей подопечной, она меня уже заметила – такие огромные глазища в толпе народа только у неё одной.

Среднего роста и довольно гармоничного телосложения, мастерка красно-белого спортивного костюма лежит на коленях, тонкая белая футболка обтягивает небольшую грудь и плоский живот. Руки худые – не силовая спортсменка, сто пудов. Оценив фигуру буквально за полсекунды, я задержал взгляд на лице – тут есть, на что посмотреть. Русые волосы гладко зачёсаны и собраны в тугую дульку где-то между макушкой и затылком, так что определить длину невозможно, но судя по размеру дульки – с мой кулак, – ей есть чем похвастаться. Лицо на первый взгляд не отличается броской красотой, но на второй... очень гармоничное лицо, чёткие сбалансированные черты не притягивают взгляд, но составляют идеальную композицию, которая кажется тем красивее, чем дольше на неё смотришь. Ничего лишнего, ничего кукольного, ничего вызывающего – классический славянский овал лица, небольшой прямой носик, аккуратные чёткие губы, красивые голубовато-серые глаза... не огромные, не бездонные, не волшебные, а просто очень умные и немного грустные.

У таких женщин нет «возраста красоты», они очень миленькие в детстве, симпатичные в юности, красивые в зрелости и даже когда стареют, выглядят величественно и гармонично – я знаю, у меня целый клан таких тёток, плодovitая бабушка наштамповала почти десяток, а они уже тоже успели родить по одной-двум. Когда они ходят куда-то с подростками дочерьми, все принимают их за подруг или сестёр, тётушки дико радуются.

– Привет, ангелёнок, – я сел на свободное место рядом с ней, улыбнулся. – Страдаешь о несбыточном или просто получаешь удовольствие?

Она перевела ещё больше округлившиеся глаза куда-то мне за спину и спросила:

– Ты кто? Ты меня видишь?

– Вижу, вижу, – я обернулся глянуть, что там у меня такое сзади, ничего не увидел и опять улыбнулся ей. – Я твой ангел-путеводитель, навигатор и штурман. Можешь звать меня Слава.

– Угу, – она сгорбилась и вздохнула куда-то вниз, протянула ладонь, – Света. Можешь звать меня «неудачница без будущего».

– Что ж так сурово? – Я пожал маленькую ладонь и стал оглядываться вокруг. – Кстати, где мы?

– В Рио-де-Жанейро, на центральном олимпийском стадионе.

– Ни фига себе, – я внимательнее осмотрелся, заметил на стенах часто встречающуюся картинку, изображающую трёх танцующих человечков и надпись «Рио», кучу людей в спортивных костюмах, преимущественно молодых и нервничающих. Все носились и сустились, всюду мелькали камеры и фотовспышки.

– И какое отношение это место имеет к твоей проблеме? – Я ещё раз оценил её костюм, глянул на причёску. Девушка криво улыбнулась:

– Самое прямое. Вон она я, в белом, – она ткнула пальцем куда-то в первые ряды, я всмотрелся и действительно увидел там Свету, только не в спортивках, а в искрящемся гимнастическом купальнике, подчёркивающим точёную фигурку. Она была такая бледная, что нарисованные косметикой пятна румянца выглядели на её лице клоунским маскарадом, круги под глазами добавляли ещё больше ужаса и вообще, по выражению лица казалось, что девушку сейчас стошнит.

– Что это там с тобой? Тебе плохо? – Я перевёл взгляд на сидящую рядом Свету, она нервно хохотнула и отвернулась, потёрла шею:

– Пошли отсюда, а? Мне это уже осточертело.

Она встала и пошла по лестнице куда-то в коридоры, я пожал плечами и двинулся следом. Мы попетляли по проходам и раздевалкам, мимо ходили люди, я как раз засмотрелся на миленькую китаянку... и в этот момент она исчезла. Да и не только она, все, всё вокруг изменилось, как будто видео мгновенно перемотали на другое время... время, ну да. Я догнал Свету и чуть толкнул локтем:

– А зачем ты время перемотала?

– Оно само, – буркнула девушка. Я поднял брови:

– В смысле? Это не ты только что сделала? – Она остановилась, перестав нестись как угорелая, упёрла руки в бока и хмуро уставилась на меня:

– Я сказала уже, оно само, что непонятно?

– Ничего не понятно, – огрызнулся я, – и больше всего непонятно, почему ты пешком ходишь – спортивная привычка?

Она медленно выдохнула и закрыла глаза, как будто за пару минут знакомства успела меня возненавидеть, облизала губы и тихо сказала:

– Гавриил сказал, что ты мне pomoжешь, ты всё знаешь и всё умеешь.

– А мне он сказал, что ты объяснишь мне подробности на месте, сама, – я угрюмо сложил руки на груди. – Давай, объясняй.

– Сейчас выйдем отсюда и объясню, – хмуро выдохнула она, дрожащим от нервов голосом. – Меня задрало это место.

– Ну так чего ты тут ходишь, если задрало? Крыльев нету? – скривился я, она обожгла меня таким яростным взглядом, что мне даже не по себе стало и рыкнула:

– Нету! Я обычный человек, в отличии от некоторых!

– Да ладно, – стушевался я. – Что, правда? – Она не ответила, а молча развернулась ко мне спиной и быстро зашагала дальше по коридору. Я смутился, но через секунду взял себя в руки и пошёл за ней. Догнал, хлопнул по плечу и улыбнулся. – Ничего страшного, зато у меня есть. Держись и не пугайся.

И быстро, пока она не успела возразить, подхватил её подмышки и посадил на локоть, как ребёнка – хорошо, когда вес не зависит ни от массы, ни от ускорения. Взмахнул крыльями и улыбнулся, с удовольствием слушая, как она визжит, вцепляясь в мои плечи и шею. Мы

пронзили крышу, зависли над городком, постепенно поднимаясь выше, я заметил невдалеке пляж и рванул туда, через секунду опустил свою подопечную на песок и довольно отряхнул руки:

– Круто, а? – она кивнула, поправляя одежду и ошарашенно оглядываясь, я почесал бровь, – странно, если честно, что ты так не можешь. Я сразу мог.

– Гавриил сказал, что у тебя была ситуация сложнее моей и цели благороднее моих, поэтому тебе изначально было дано больше сил.

– Да? – я с недоумением поскрёб затылок, пожал плечами и сел рядом с ней на песок. – Ладно, потом обо мне поговорим. Сначала расскажи о себе, что у тебя случилось, что ты решила обратиться к вселенной с просьбой, которая поставила её в тупик?

– Откуда ты знаешь? – распахнула глаза Света, я улыбнулся:

– Ну я же ангел. Ну так и?

– Да ничего у меня не случилось, – поморщилась она. – Просто достало всё. Окончательно достало и... я так больше не хочу.

Я молчал, ожидая продолжения, с недоумением рассматривал её спортивный костюм, яркий макияж, причёску... она рассматривала собственные кроссовки, как будто тут больше смотреть не на что. Мы сидим на одном из самых невероятных пляжей, которые я когда-либо видел, а ей даже не хочется поднять глаза!

– Эй, ты в порядке? – я толкнул её локтем, она поморщилась, как будто я её вымал, отряхнулась. Тяжко-претяжко вздохнула, подняла глаза, пару секунд поизучала зелёные холмы невероятной красоты... и разревелась, сквозь слёзы простонав:

– Как же меня всё здесь задрало!

– Что именно? – ещё тяжелее вздохнул я, она не ответила. Я выдохнул, отвернулся и улёгся на бок, вытянув ноги и подперев щеку кулаком. Светка рыдала, волны шумели, две загорелые красавицы в бикини играли надувным мячиком... Я никуда не спешу, у меня вечность времени.

Она наревелась спустя минут десять, немного пошмыгала носом и затихла. Угрюмо поспела в мою сторону и я обернулся:

– Ну?

– Баранки гну! – показала язык она.

– Бездна остроумия, бездна, – серьёзно кивнул я. – Можешь поупражняться ещё, мы с тобой совершенно никуда не спешим. Это, конечно, не всем дано, но если постараться...

– Совсем дурак? – нахмурилась она.

– Прикидываюсь, – пожал плечами я, – пытаюсь говорить с тобой на одном языке.

– Бездна остроумия, – перекинула она. – У меня проблемы, между прочим, а ты ржёшь!

– Так может расскажешь, в чём они заключаются?

Она набрала полную грудь воздуха, как будто вот сейчас как скажет, как скажет... и выдохнула, угрюмо опустив плечи. Дёрнула уголок губ и прошептала:

– Мне здесь не место. Я это давно поняла, но сегодня это окончательно... Когда меня объявили, я просто поняла, что не выйду. Не стану выступать и вообще ничего не хочу, не только медаль, а вообще. Я не должна была сюда лететь, я не должна была подавать документы на отборочные, я вообще не должна была выходить на ковёр, никогда!

– Почему? – тихо спросил я, она поморщилась и промолчала. Я попытался осторожно сменить тему. – А каким спортом ты занимаешься?

– Художественной гимнастикой, – она выплюнула эти слова как имя ненавистой соперницы, или название блюда, от которого её тошнит.

– А чего так агрессивно?

– Я её ненавижу.

Быстро ответила, не задумываясь, как будто эти слова сопровождали её уже давно.

– Сколько уже занимаешься?

– Всю жизнь.

– Ого.

– Угу.

Тишина, прибой, красоти в бикини. Никуда не спешим, спокуха, расслабься...

– Так, всё, мне надоело. Или ты рассказываешь всё по порядку, или разбирайся сама!

– Не получается у меня самой разобраться, – недовольно поморщилась Света. – Если б получалось, тебя бы никто не звал. Я просто всё остановила и оно теперь повторяется, а ничего не меняется. И всё.

– Фух, – я с трудом взял себя в руки и очень спокойно сказал, – Расскажи мне, что случилось за последний час перед тем, как ты всё остановила.

– Да ничего особенного, – она уселась по-турецки и стала играть с песком, пересыпая его из руки в руку. – Сегодня наш первый день, квалификация, все с утра готовились и разминались, всё как обычно. Я должна была выступать, меня объявили... а я поняла, что не хочу. И что готова просто встать и уйти, прямо сейчас, одним поступком перечеркнув все годы тренировок. Но я не имею права это сделать, потому что... потому что просто не имею права. Потому что должна всем – маме, олимпийскому комитету, своей стране, которую опозорю на весь мир... – она криво улыбнулась и приподняла плечи. – Я всем кругом обязана, я должна помнить, что в случае провала я всех подставлю. Вот только ни маме, ни комитету, ни стране нет никакого дела до меня, я им всем должна, а мне никто ничего не должен. Так что выступать я не хочу, а не выступать не имею права. Да и что потом делать – это тот ещё вопрос, – она невесело хохотнула, бросила на меня короткий взгляд и опять стала рассматривать золотистый песок в руках. – У меня же ничего, кроме спорта, нет. Вообще. Я всю жизнь занималась грёбаной гимнастикой, в то время, как жизнь проходила мимо меня, у меня не было на неё времени, не было даже возможности понять, что мне нравится, что приносит удовольствие. У меня был спорт и всё. И если я внезапно решу из него уйти, я просто, – она развела руками со смесью недоумения и ехидства, – просто окажусь трёхлетним ребёнком во взрослом теле, дауном, короче, или как это называется... Я много думала об этом, как ни крути – я уже не смогу просто взять и бросить гимнастику. – Она опять выплюнула это слово, как ругательство, медленно вздохнула, посмотрела на меня. – Мне семнадцать лет. В школе я учусь еле-еле на тройки, потому что почти не хожу туда, мне не до этого. То есть поступить в институт, как нормальный человек, я не смогу, а платить за меня никто не будет. Мне домой лучше вообще не приходиться даже, если я решу спорт бросить – меня просто съедят, прямо на пороге.

– Родители хотят дочь-спортсменку? – осторожно спросил я, она горько хохотнула:

– Моя мама – мой тренер. И она дрессирует меня всю жизнь, с пелёнок, сколько я себя помню, – она закатила глаза и чуть дрожащим голосом прошептала. – Она олимпийская чемпионка, у неё ящик медалей. Она бы ещё выступала, но забеременела и потом не стала восстанавливать форму, а взялась ковать для родины новую медалистку. Выковала, – Света опять невесело обречённо рассмеялась, качая головой, посмотрела на меня и развела руками, – вот так. Меня никто спросить не удосужился, хочу ли я быть её шедевром. Мне с детства внушали, что я хочу. Мечтаю прямо! – она посмотрела на солнце, на тень от волейбольной сетки, потом куда-то за плечо, в сторону спорткомплекса. – А теперь я сижу там, смотрю на ковёр и понимаю, что не хочу на него выходить больше никогда в жизни. Вот, честно, была бы возможность – просто встала бы и ушла, навсегда. Но возможности нет. А хочется. Хочется прожить свою жизнь, настоящую, а не ту, которую выбрали и распланировали за меня.

– И тебе дали возможность, – понятно кивнул я. – Ладно, я примерно понял. И что произошло, когда ты это всё решила?

– Всё остановилось, а потом я... ну, та я, которая другая, встала и пошла готовиться к выступлению, её объявили, она подошла к ковру и всё. Когда она ставит ногу на ковёр, время перематывается на двенадцать ноль-ноль, начало выступлений. Я это уже сто раз видела, ничего не меняется, это какой-то фильм ужасов! – Она раздражённо поправила выбившуюся из пучка прядь волос и выпрямилась, криво улыбаясь мне. – Пришёл Гавриил, спросил, почему я ничего не делаю, я же хотела. А я сказала, что не знаю, что делать. Он сказал, что знает одного ангела, который точно сможет мне помочь и улетел. Потом прилетел ты, потом ты знаешь. Всё.

Света покачалась вперёд-назад, потом вытянула одну ногу в бок и согнула в колене, рукой прижимая кроссовок к бедру. Выглядело это так, как будто у неё шарнир вместо коленного сустава, я поморщился:

– Что ты делаешь?

– Ничего, – она отпустила ногу и опять села, махнула рукой, – дурью маюсь. Что делать будем?

– Разбираться и менять твою жизнь, – медленно сказал я. – Ты уже решила чего хочешь?

– Не знаю, – поморщилась она. – Чего-нибудь другого.

– Ну, может быть, у тебя детская мечта есть? – продолжил прощупывать почву я, – Актрисой там стать, или моделью?

– Да ну, – она отмахнулась, – Я рылом не вышла в актрисы.

– Не сказал бы, – на полном серьёзе качнул головой я, – ты красивая.

Она в первый раз по-нормальному улыбнулась, опустила глаза:

– Ты меня без косметики не видел...

– А мне и не надо, – с гордостью сложил руки на груди я, – моя девушка художник, она мне все уши прожужжала лекциями про эстетику и гармонию форм и линий, я это слушаю годами, могу экзамен сдать и грамотно, умными словами, описать любую классическую скульптуру. Так что я тебе как почти специалист говорю – ты красивая, спорить бесполезно. Хочешь быть моделью?

– Не знаю, я не пробовала, – с лёгким недоумением приподняла брови она, – понятия не имею, в чём вообще состоит их работа и как построена их жизнь.

– Ну так слетай посмотри, – развёл руками я.

– Я не умею летать, – немного обиженно пробурчала она.

– Ты пробовала?

– Ну хочешь, попробую, – показала язык Света, встала, подняла руки и немного подпрыгнула, с клоунским удивлением развела руками, – не выходит!

– Фигня какая-то, – вздохнул я, – Гавриил!

– Чего тебе надобно? – раздался чуть насмешливый голос. – Ещё ничего сделать не успел, уже зовёшь.

Архангел поддёрнул брюки светлого костюма и сел на песок рядом с нами, я изобразил шутливое негодование:

– Ты чего ребёнку на крылья пожмотился?

– Ей незачем, – неохотно ответил он, помялся и не глядя на Свету, добавил, – да и не заслужила она крыльев-то, это же всё не просто так... У тебя, например, был серьёзный мотив, беспрецедентная Любовь, ты даже жизнь человеку спас. А у неё... – он вздохнул, чуть двинул плечами, – тут же, по сути, просто всё. И это не я решаю, вселенная по своему разумению отмеривает силы по поставленным задачам. Тебе нужны были крылья и меч, твоему Бесу было достаточно меча, а Света... хотела всё остановить. И остановила. – Он

неуютно ссутулился, бросил на девушку извиняющийся взгляд и опять повернулся ко мне. – Даже если захочу, я не могу создать ей крылья.

– Ну давай я ей свои одолжу, – пожал плечами я, – Бес же перемещался без крыльев, значит, и я смогу?

– Сможешь, – улыбнулся Гавриил, чуть качнул подбородком, – Только их нельзя одалживать. Если хочешь, можешь подарить. На твоих силах это никак не скажется, просто вместо полёта будешь появляться там, где захочешь, как Бес. Пойдёт?

А вопрос-то щекотливый... Я посмотрел на Свету, которая с силой сжимала в кулаке горсть песка, глядя, как он пересыпается из ладони в ладонь. Она бросила на меня короткий, абсолютно понимающий взгляд, который заставил меня занервничать. Мне нравилось летать. Это было просто необъяснимо круто, я бы не хотел этого лишаться.

Вот только я уже летал, а она – нет. И у неё вообще, судя по её рассказу, в жизни было маловато радости.

– Идёт, – решительно поднял голову я, кивнул Гавриилу. – Пересаживай мои крылышки ей, пусть летает. Если все остальные силы останутся при мне, то они мне не особенно и нужны.

Света резко выпрямилась и посмотрела на меня такими круглыми ошарашенными глазами, как будто не могла поверить. Как будто ей никогда в жизни подарков не дарили.

– Уверен? – с улыбкой спросил архангел, я кивнул с таким видом, как будто это было совершенно не сложное решение, он улыбнулся шире, – дело твоё.

В следующую секунду за спиной Светки развернулись здоровенные белые крылья, мощные, как у лебедя или орла, размахом, наверное, метра три-четыре. Я ахнул, распахивая глаза и рот – свои я никогда до этого не видел. Сама Света выглядела так, как будто сейчас начнёт пищать, как умеют только маленькие девочки, когда им внезапно дарят пони. Рывком вскочила на ноги, а потом стрелой ушла в небо, как ракета, расправив крылья только над облаками. Отсюда было видно только светлую галочку, которая выписывала петли и зигзаги, я тихо рассмеялся, посмотрел на Гавриила. Он улыбался как самый счастливый человек в мире, тихо сказал:

– Я в тебе не ошибся, ангел. Щедрая ты душа, добрая, не зря ты сумел вырастить такую Любовь.

Я пожал плечами и опять задрал голову, высматривая где-то у горизонта белую галочку, она вращалась, как истребитель, напрочь игнорируя аэродинамику и всю остальную скучную физику. Мне казалось, я даже отсюда слышу, как она смеётся.

– Не жалко? – хитро спросил архангел.

– Не-а, – честно ответил я.

Он добродушно рассмеялся и тронул меня за плечо:

– На тень свою посмотри.

Я с трудом отвёл глаза от Светы и глянул на песок. Полдень, тени почти нет, но... но она есть. И она выглядит так, как будто я стал стрекозой. Я нахмурился. Похлопал рукой по собственным лопаткам, естественно, ничего не нащупал. Поднял вопросительный взгляд на Гавриила и он довольно хохотнул:

– Понял, нет?

– Не понял, – честно ответил я, – объясни.

– Чего нельзя делать ангелу? – риторическим тоном спросил он, я покопался в памяти и наугад попробовал:

– Торговать добром?

– Именно. Ты недавно подарил свою Любовь, помнишь?

– Да... – я помнил. Я подарил её своему другу, который должен был стать мужем моей Ксюхи. Подарил, да. – Но она всё равно осталась у меня, это ты хочешь сказать?

Архангел кивнул, продолжая радостно улыбаться, как будто я сделал подарок ему, а не Свете.

– То, что ты отдаёшь с радостью и от всей души, обогащает тебя самого, понимаешь? – тихо сказал он. Кивнул на мою тень, опять с ожиданием посмотрел в глаза. – Понял?

Я опять всмотрелся в свою тень, попытался растопырить невидимые и неосязаемые крылья, тень становилась всё непонятнее. Смирившись с тем, что считать я всё-таки умею, я недоверчиво посмотрел на Гавриила:

– У меня четыре крыла, что ли? – он кивнул с гордой улыбкой. – И у тебя шесть по той же причине? – он опять кивнул, тихо засмеялся и перевёл взгляд в небо. Я тоже посмотрел на неё, тихо спросил, – что мне с ней делать?

– Тебе виднее, – медленно приподнял плечи он. – Ты уже не маленький ангел, а вполне взрослый, с опытом, – в его голосе мне почудилась добродушная издёвка, но я промолчал. – Ты же знаешь, маленькие девочки несколько односторонне воспринимают мир, особенно если они талантливы и не избалованы вниманием.

– О, да, я знаю, – хохотнул я. Мы постояли молча, я спросил, – она сможет изменить свою жизнь?

– У неё отобрали право на вмешательство, – вздохнул он. – Она очень, очень долго проживала повторяющийся момент своей жизни заново, но ничего ни разу не изменила. Так что сейчас она может только смотреть, – он вздохнул, бросил на меня короткий взгляд и опять повернулся к морю, – Ну и летать, благодаря тебе. Только ей это не поможет, ты просто... дал ей возможность немного поиграться с полётами, и всё.

– И всё? – с лёгким негодованием фыркнул я. – Посмотри на неё, ты же архангел, неужели ты не видишь?

– Ты подарил ей радость, да, я вижу. Только она скоро наиграется и ей надоест, а ты мог лишиться крыльев навсегда.

– Ну и что? Мне они никогда не доставляли столько счастья, сколько доставили ей за последние две минуты. Я не жалею.

– Я вижу, – Гавриил с улыбкой посмотрел на меня и подал руку. – Ты молодец. У тебя всё получится. Зови, если что.

– Хорошо, счастливо.

Я пожал ему руку и сел обратно на песок, по очереди созерцая загорелых красоток с мячиком и сверкающие у горизонта крылья, было спокойно и хорошо, к тому же никто не мешал сосредоточиться и подумать.

Мне почему-то не верилось, что Светкино нежелание выступать вот так вот просто само собой возникло из-за глобальной неудовлетворённости жизнью. Была причина, важная, по крайней мере – для неё. И эту причину надо найти. А для этого я, пожалуй, пойду посмотрю олимпийские игры, в первый раз в жизни и сразу в живую, надо же. Я встал, отряхнул джинсы и с удовольствием взмахнул всеми четырьмя крыльями.

На стадионе было шумно, часы на огромном табло показывали двенадцать пятнадцать, красивая китаянка, которую я уже видел в коридоре, как раз заканчивала выступление. Светка сидела в первом ряду, с одной стороны от неё было пустое кресло, с другой сидела девочка в таком же спортивном костюме национальных цветов, но без яркого макияжа, чёрные волосы, стриженные под каре, тоже не были собраны. Света нервно хрустела пальцами, у неё дрожали руки, подружка с силой гладила её по плечам и что-то тараторила в самое ухо, я подошёл ближе, сел на свободное место и прислушался.

– Светик, не нервничай, без паники, никакой катастрофы не случится, я тебе говорю, – она трещала, как заводная, абсолютно не обращая внимания на то, что Светка её, похоже, почти не слышала. – Всё будет как на тренировке, ты делала это миллион раз, ты стопудово не упадёшь и не уронишь предмет, стопудово.

М-да... интересно, эта барышня вообще слышала о позитивном мышлении?

– Светка, не парься. Даже если Игоревны нет, это ничего не значит, ты не ошибёшься...

– Аль, помолчи, пожалуйста! – наконец не выдержала Света. – Я пытаюсь собраться, у меня такое ощущение, что я вообще свою программу не помню.

– Не переживай, на ковре ты ничего не забудешь, – опять заладила подружка, заставив Свету нервно подняться, сбрасывая с плеч её руки, и пересесть на свободное кресло. Подружку это не остановило. Тут моё внимание отвлекла светлая вспышка под потолком, я поднял голову и успел увидеть, как сияющая Светка с балетным изяществом приземляется на кончики пальцев, медленно складывает крылья, вскидывая руки вверх и задирая подбородок с такой улыбкой, как будто ей аплодирует весь стадион. Я не смог не улыбнуться в ответ, она медленно выдохнула и опустила руки, но осталась стоять на носочках на спинке кресла.

– Налеталась, истребитель юный?

– Ещё нет, – крылья исчезли, она прыгнула сначала на сиденье, потом на пол, грациозно села, сложив руки на коленях и кивнула куда-то вдоль ряда, – просто хочу Юлькино выступление посмотреть.

– Ясно, – я проследил за её взглядом и увидел выходящую на ковёр девочку в ярко-красном костюме. Она тоже нервничала, но улыбалась без усилий, её руку сжимала тощая, ярко накрашенная тётка в костюме сборной, что-то говорила, от чего девочка улыбалась ещё шире.

Свету эта картина почему-то расстроила, она бросила короткий взгляд на меня и опять отвернулась. Это показалось подозрительным, я задумался, заиграла музыка и Света, вместо того чтобы смотреть на свою подружку, опять глянула на меня... точнее, нет, не на меня, а на мой стул. Я обернулся, увидел висящую на спинке мастерку, потом рассмотрел бутылку воды, стоящую прямо на сидении. Почему этот стул пустой? Прямо рядом со Светкой, когда ей вот-вот надо выходить выступать? Тощая тренерша поедала глазами девочку, кружащуюся на ковре, Света смотрела куда-то вдоль ряда, на один из выходов из зрительного зала в коридоры с раздевалками.

– Свет, – наконец допёр я, – а где твой тренер?

– Я бы сама у неё с удовольствием спросила, – нервно фыркнула она. – В двенадцать она ещё тут была, а потом просто встала и смылась, сказала «я сейчас приду» и не появилась, даже когда меня объявили.

– А ты её не искала?

– Искала, не нашла, – отмахнулась Света.

«Плохо, значит, искала».

Я этого не сказал, просто молча встал, сжал её плечо и улыбнулся:

– Ты смотри, я тут прогуляюсь пока.

Она кивнула не оборачиваясь, я прошёл к тому самому входу, на который она смотрела, и вышел в коридор. И едва исчезнув из поля зрения подопечной, настроил свой внутренний навигатор на поиск её мамы. Нашёл.

Её выворачивало над унитазом в ближайшем туалете. Причём, судя по тому, что она даже на полу с трудом сидела, одной рукой держась за стену – траванулась она очень сильно. Ладно. Ясно. Вряд ли она в этом виновата, и вряд ли она рада своему состоянию, но всё равно бросить дочь в такой момент... сдаётся мне, ей помогли. Кто? Кому это выгодно? Тощей тренерше, чья девочка сейчас выступает? Вроде, какая ей разница... хотя, если Света выступит плохо, то у её воспитанницы будет больше шансов.

Из-за двери раздались аплодисменты и я нырнул сквозь стену обратно к Светке. Она сидела на спинке кресла, со смесью раздражения и обиды наблюдая, как вторая она переступает с ноги на ногу у специального выхода для выступающих, уже с лентой в руках и в белом купальнике с кучей блестящих камешков. Вблизи было видно, что камешки складываются в серебристый рисунок из перьев, украшающих вырез под горлом и рукава – к этому купальнику пошли бы её крылья...

Света сканировала взглядом двери в коридор, нервно сжимала кулаки, её держала за плечи мама, болтливая подружка сидела на прежнем месте, скрестив пальцы и молитвенным шёпотом тараторя что-то, я разобрал по губам её любимые слова «ошибка», «забудешь» и «уронишь». Кто она такая?

– Свет, – она на меня не посмотрела, мне пришлось дотянуться и дёрнуть её за рукав, – Приём!

– А? – она с трудом оторвала взгляд от своей бледной копии и попыталась понять, что я говорю. В этот момент колонки торжественно провозгласили «Светлана Чечина, Раша» и девочка в купальнике занесла ногу над ковром...

Всё.

Воздух вздрогнул, время на часах сменилось с «двенадцать двадцать две» на «двенадцать ноль-ноль», Света медленно выдохнула и криво улыбнулась, посмотрела на меня и развела руками:

– Вот и всё. Двадцать две минуты, самые бесконечные в моей жизни... Что ты хотел?

– Кто эта девочка? – я обернулся, ища её подружку, но её не было на месте, на пустом стуле стоял рюкзак национальных цветов, на нём лежала кепка. Рядом сидела бледная Света, а с другой стороны... у меня аж дыхание перехватило от удивления и восторга. Её мама. Одна из самых красивых женщин, которых я видел в своей жизни. Они были очень похожи, но если сама по себе Света выглядела красивой, то рядом с такой мамой её можно было назвать не более чем миленькой. Тем более, что Светка ещё не до конца избавилась от подростковой нескладности, плюс типичная для гимнасток худоба...

Когда я смотрел на неё одну, то этого всего не замечал, девушка выглядела гармонично и изящно, но стоило поставить рядом такую шикарную женщину, которая похожа, но лучше... Взрослая, зрелая красавица, с королевской осанкой, с таким взглядом, как будто носит на шее самое красивое кольцо в мире и специально приподнимает подбородок, чтобы весь мир полюбовался и получил удовольствие. Такие же губы, как у Светы, но не скривлённые нервной дрожью, а сложенные в уверенную, спокойную улыбку. Такие же глаза, немного другого цвета, более тёмные, но умело накрашенные и смотрящие с непоколебимой верой в собственный триумф. Мягкие волны волос, такие же светло-русые, блестящие...

– Эта девочка, – с ядовитым ехидством процедила Света, – моя мама и тренер. И ей тридцать семь лет, так, для справки.

– Я имел в виду другую, её здесь сейчас нет, – я взял себя в руки и убрал с лица дебилское зачарованное выражение. – А про маму сразу понятно, вы с ней очень похожи.

– Я в курсе, – с сарказмом закатила глаза Света.

– Так что это за девочка? – я указал подбородком на пустое кресло, Светка поморщилась и тихо ответила:

– Аля, моя подружка. Она тоже гимнастка, но сегодня не выступает, просто пришла поддержать. Мы с ней завтра в командных вместе выступать будем.

– Поддержала так поддержала, – тихо фыркнул я, Света хихикнула и закатила глаза:

– Да она просто... паникёрша, переживает больше меня и совершенно не понимает слова «помолчи». У неё язык как помело, к тому же автономное и на вечном двигателе.

Она печально улыбнулась и замолчала, хотя я чувствовал, что ей ещё есть, что сказать по теме. Аля как раз появилась в дверях, прошла к своему месту и села, по пути сунув Свете

и её маме по бутылке минералки. Мама тут же выхватила у Светы её бутылку, пристально осмотрела место спайки крышки с пластмассовым ободком, одобрительно кивнула и вернула.

«А свою не проверила. И похоже, зря.»

Я остановил время и наклонился, почти в упор рассматривая бутылку во второй руке тренера, кивнул сам себе – так и есть, распечатана. Обернулся, чтобы поделиться наблюдениями со Светкой, но понял, что она замерла вместе со всеми. Я что, останавливаю время и для неё? Странно, а на Беса это не действовало. Помахав рукой у неё перед лицом, я вздохнул и запустил время. Наклонился к уху красавицы-тренера и шепнул:

– И свою бутылку проверь.

Женщина немного удивлённо двинула бровями, потом осторожно бросила взгляд на бутылку... заметила. Но вообще не подала вида, я понял только по тому, как на мгновение напряглись её губы, тут же сложившись в обычную сдержанную улыбку. Она открыла воду, сделала вид, что пьёт, закрыла и поставила под кресло. На Алё даже не глянула, ни разу, продолжила рассказывать Свете что-то по поводу элементов и шагов. А Алё сверлила взглядом ковёр, на который выходила первая спортсменка, лишь изредка осторожно скашивая глаза на Светину маму. Фиг там – она больше к бутылке не прикоснулась.

– А вы давно знакомы с этой Алёй? – как бы невзначай спросил я, Света пожала плечами:

– Год с копейками, с тех пор, как я переехала в Москву. Мы с ней тренируемся в одном интернате, только она там живёт, а я только на тренировки прихожу. – Она иронично закатила глаза и перекинула неизвестно кого, – мама говорит, что в интернате дисциплина ниже плинтуса и это их погубит.

– А на самом деле? – заинтересовался я.

– А на самом деле там такая зона, что спасайся кто может! – округлила глаза Света. – Режим, диета, комендантский час, сауна и две тренировки в день, – она бросила недовольный взгляд на маму-тренера и злобно фыркнула. – Правда, у меня дома ещё круче. Всё то же самое, что и в интернате, только там девочек много, а тренеров мало, а у меня один цербер на одну меня. Ни минуты покоя, тотальный контроль над всем, что я делаю и над всем, что таяну в рот.

– Холодильник на замке? – усмехнулся я.

– Холодильник пустой, – нервно хохотнула она. – Там только нулевой кефир и всякая трава, типа помидоров и капусты.

– Да ладно, – недоверчиво прищурился я, – вы же спортсмены, вы столько калорий теряете за свои две тренировки в день! Я думал, у вас должно быть пятиразовое питание, где всё посчитано – белки-жиры-углеводы, витамины-минералы...

– Ага, щазже! – издевательски рассмеялась Света. – Жиры-углеводы... где ты этого нахватался?

– Я, вообще-то, тоже в спортзал хожу, – с лёгкой обидой сложил руки на груди я. – И я сам составляю себе рацион, с определённым количеством всех элементов, которые нужны для здорового набора массы.

Она расхохоталась так заливисто, как будто я порю несусветную чушь и не краснею, я ступешался и замолчал. Света отсмеялась, отдышалась, вытерла глаза и попыталась посмотреть на меня серьёзно:

– Слава, ты себе даже не представляешь, какой ты счастливый человек. Ты вот, понимаешь, живёшь себе и знать не знаешь, что где-то есть люди, которым нельзя набирать массу, ни жировую, ни мышечную, никакую. Им надо выдавать на тренировках триста процентов отдачи, фонтанировать энергией и при этом практически ничего не есть, каждый день

ещё и высиживая часами в сауне, чтобы выпарить лишний жир. Потому что это некрасиво и мешает высоко прыгать и быстро бегать.

– Не знаю насчёт бегать и прыгать, но по поводу красоты я бы поспорил, – я полуобернулся, окидывая взглядом фигурку выступающей девочки, вздохнул и посмотрел на Свету. – Я бы вас всех тут кормил и кормил.

Мои глаза против воли уставились на верхнюю часть её футболки, под которой грудь едва угадывалась, я ностальгически вздохнул, вспоминая Ксюхин роскошный четвёртый размер, который так уютно ложится в ладони...

– Глаза достань оттуда, извращенец.

– А? – я резко отвернулся, делая вид, что ничего не было. – Что? Откуда?

– Из тебя вун, как из меня сумоист, – усмехнулась Света, тяжело вздохнула, сама опустила глаза на свою грудь и иронично улыбнулась мне, – Да, тут простой выбор – или верх, или низ. У меня ещё ничего, есть девчонки вообще плоские, без всяких надежд. Там же из жира всё, а в нашем теле жир вне закона. Мы постоянно на диете, без перерыва на каникулы и выходные, потому что набрать легко, а сбросить очень тяжело... Грёбанные овощи, фрукты, разбавленный сок и прочая фигня, которую что ел, что нюхал. Набрала полкилограмма – жирная. Набрала килограмм – лучше убей себя сама. – Она печально вздохнула, посмотрела на свою маму и тихо добавила, – я уже не помню, какой шоколад на вкус. Просто по старой памяти считаю, что люблю молочный, а чёрный не люблю, а какой он, этот молочный – фиг его знает. Как воспоминание далёкого детства, когда где-то глубоко сидит яркая картинка, что тебя папа в воздух подбрасывал и что это было невероятно круто, а само ощущение давно стёрлось из памяти.

Я неуютно ссутулился и промолчал. Я тоже раз в год «сушился», на два месяца исключая из рациона мучное и сладкое, чтобы перед пляжным сезоном чётче прорисовались мышцы. И эти два месяца я считал себя реальным героем, богом самоконтроля и дисциплины, мастером ниндзя, способным делать со своим телом что угодно, терпеть боль, холод и недостаток кислорода. Ходил гордый и высокомерный, по три раза в день напоминая Ксюхе, что истязаюсь и мучаюсь ради неё, ради того, чтобы ей было не стыдно ходить со мной по пляжу. Она смеялась и обещала мне приготовить фруктовых салатиков, чтобы я не так страдал по печенькам. Я ел салатик и продолжал страдать.

И в данный момент мне за эти «страдания» было дико стыдно.

– Пойдём отсюда, а? – вздохнула Света. – Мне это всё так надоело, если б ты знал... Пошли на пловцов посмотрим, они тут рядом.

– Ну пойдём, – я пожал плечами и встал, взлетел над крышей и завис, дожидаясь Светку. Она пронеслась мимо, как метеор, исчезнув в вышине, а спустя секунду камнем упала вниз, резко остановившись возле меня. Шкодно хихикнула, показывая, что прекрасно понимает, что это глупое ребячество, но не может сдержаться. Я тихо рассмеялся и покачал головой, спросил:

– Куда?

– За мной! – пропела она, изящно повела рукой в сторону ближайшей крыши и следом за рукой подалась всем телом, вливая в это движение разворот крыльев. Я улыбнулся – да, ей они принесли несравнимо больше радости. Мы приземлились перед первым рядом, она недовольно насупилась:

– Блин, половину пропустили.

– Так перемотай, проблема, что ли? – пожал плечами я.

– Очень смешно! – Скривилась она. – Я так не умею, сам перематывай... это ты у нас ангел, а я так, крылатое привидение с моторчиком.

Я перемотал. Светка исчезла. Я с недоумением перемотал как было и опять её увидел.

– Куда пропал? – с удивлением изучала меня она. Так, попробуем иначе. Я взял её за руку и перещёлкнул время на минуту назад.

– Круто! – распахнула глаза она. – А можешь на десять утра? Я сегодня пропустила начало, так жалко. – Я пожал плечами и сделал. И почти сразу же в воду прыгнула первая партия пловцов. Светка принялась размахивать руками и рассказывать мне, которые из них наши, где наш тренер и какой он классный мужик. Я кивал и делал вид, что слушаю. Она пищала, прыгала и болела изо всех сил, а я смотрел на неё и пытался понять, в чем причина её нежелания продолжать заниматься спортом. Она же здесь как рыба в воде, ей это нравится и у неё это получается, иначе её бы просто здесь не было – это олимпиада, сюда бездарей не берут.

Ладно, если она не хочет рассказывать, я узнаю сам. Здесь десять утра, а я перемещусь в те краеугольные двенадцать, с которых начались её «бесконечные двадцать две минуты». Я остановил время для Светы и перемотал для себя.

Двенадцать ровно. Светка разговаривает с мамой, на пустом сидении подружки стоит рюкзак. А сама подружка где? Ага, в раздевалке, капает в бутылку с минералкой какую-то фигню из баночки. И улыбка у неё оччень нехорошая... вот это подружка. Я чуть ускорил время и пошёл за ней, пронаблюдал, как мама-тренер делает вид, что пьёт, потом как Света готовится выступить, как её объявляют... и всё замерло. Двенадцать двадцать две. Я попытался опять запустить время – фиг. Назад – запросто, вперёд – нет. Ну и ладно, будем лазить тут. Я встал и вразвалочку пошёл к коридору, по которому мы со Светкой уже ходили, обошёл в дверях встрёпанного мокрого парня, опять полюбовался той самой красивой китайкой... Что делать? Сколько лет её жизни мне надо изучить, чтобы понять, в чём её проблема? Гавриил сказал, что тут всё просто...

Пока что ничего простого я тут не видел. Немного побродив по территории спорткомплекса в размышлениях, я решил вернуться к Светке и методично изучить каждую минуту её пребывания на играх. Ускорил время, криво улыбнулся, наблюдая движущихся задом наперёд людей, просмотрел весь её день до утра – подготовка, макияж-причёска, разминка, завтрак из одного маленького огурца, господи, а мне не верилось... Сон под бдительным присмотром мамы-тренера, попытка тихонько уйти ночью... провалившаяся. Я вернул времени нормальную скорость и посмотрел внимательно – Светка выбралась из-под одеяла и на цыпочках пошла к двери, провернула ручку... заперто. На ключ. Беззвучно выругалась и услышала сонный голос мамы:

– Куда собралась?

– Никуда, – злобно прошипела Света, мама довольно усмехнулась:

– Вот именно. Спать.

– Я в туалет шла, – скривилась Света и грохнула дверь. Села на крышку унитаза, достала мобильный и набрала sms: «Не могу сбежать, увидимся завтра». Выбрала из справочника «Алина» и отправила. Через пять секунд получила ответ: «Ничего, не расстраивайся. Спокойной ночи. Завтра ты сделаешь Юльку)». Света криво улыбнулась и закатила глаза, одними губами шепча: «Это же так важно, сделать Юльку!». Спрятала телефон в карман пижамы и вернулась в постель.

– Кому звонила? – осведомилась мама.

– Никому, – рыкнула Света, ещё более злобно прошипела, – спокойной ночи, – и отвернулась, укрываясь с головой.

Ясно, понятно, печально.

Я опять стал мотать время назад. Вечер, тренировка, sms от Алины, ужин из целого одного помидора, опять тренировка, соревнования пловцов, где обе подружки и мама-тренер болели за своих, обед из целого одного банана и даже – ну ни фига себе! – салата. Опять чьи-то соревнования, тренировки, почти человеческий завтрак... везде с мамой, ни шагу без неё.

Предыдущий день мало чем отличался от этого, я мотал всё дальше, ещё не зная, что ищу. А потом нашёл. Почти в самом начале, когда всё ещё было не так напряжённо – девочки гуляли по олимпийской деревне весёлой толпой, мама-тренер не таскала Свету круглосуточно за руку, а всего лишь держала в поле зрения. Круглосуточно. Всё было отлично и весело, красно-белая толпа весело обнималась с красно-зеленой, а потом Светина улыбка стала очень напряжённой и меня скрутило такой болью, как будто я с разгону впаялся в ядовитую медузу всем телом. Пытаясь куда-то деться от этой боли, я остановил время, отдышался и переключил на десять минут назад, заранее напрягаясь и готовясь получить удар тока прямо в душу.

Света с Алей гуляли под ручку и осматривались, вокруг носилось ещё человек десять спортсменов в такой же форме, потом подружка что-то рассмотрела и толкнула Свету, тихо шепча:

– Слушай, мне кажется или это правда Олег?

– Где? – встревоженно обернулась Света, заранее раздумываясь. Нашла глазами толпу спортсменов из братского народа и залилась краской уже вся, нервно прикусила губу и с силой сжала руку подружки, шепча ей на ухо, – да, это он. Боже, Алька, что мне делать?!

– Тихо, спокойно, – подружка попыталась разжать пальцы, впившиеся в её локоть и ненатурально улыбнулась. – Они нас заметили и сейчас по-любому подойдут здороваться. Возьми себя в руки, пока он не увидел тебя такой красномордой и растрёпанной.

– Блин, – скривилась Света, приглаживая волосы, медленно выдохнула и закрыла глаза, стала беззвучно считать до десяти, шевеля губами... дошла только до трёх.

– Алиночка, привет, отлично выглядишь! – Крупный загорелый парень со светлыми глазами и встрепанными каштановыми волосами подбежал к ним, отделившись от своей толпы, крепко обнял засиявшую Алину и пожал руку стоящему рядом парню, – Лёха, я знал, что ты тут будешь! Светик?

Света стояла красная, как её костюм, с трудом улыбнулась и кивнула, еле слышно прошептав:

– Привет. Очень рада тебя видеть.

– И я тебя! – он сам взял её руку и пожал, хлопнул по плечу, мгновенно протянул освободившуюся руку ещё одному парню, – Серёга, иди сюда! Мы с тобой завтра встретимся ещё, прыгучая мелочь! Шучу, рад тебя видеть.

Света смотрела на него с растерянной улыбкой, которая постепенно становилась всё напряженнее, парень продолжал обниматься со знакомыми, жать руки, совершенно не обращая внимания на Свету... А от неё начинало тянуть колким сквозняком боли и обиды, я поёжился, отступил подальше. В этот момент брошенная толпа красно-зеленых догнала отколовшегося товарища и подошла к обнимающейся компании, кто-то тоже нашёл знакомых, объятия и рукопожатия продолжились. Одна из подтянувшихся девочек с небрежной обыденностью обняла Олега за пояс и зубасто улыбнулась Алине, спрашивая парня:

– А откуда вы друг друга знаете?

– Мы в лагере были вместе, – улыбнулся Олег, обнял девушку и с гордостью указал на неё всей сборной, – Лена, моя девушка.

Светка улыбнулась шире, а я задохнулся от боли, хватаясь за грудь и пытаюсь как-то выцарапать из-под рёбер ощущение, что туда выстрелили разрывной пулей. Вокруг смеялись и знакомились, Алину хлопнул по плечу плечистый темноволосый парень, наклонился к её уху и смерил веселящегося Олега нехорошим взглядом, шепотом спрашивая девушку:

– Это Светкин гимнаст со сборов, что ли?

– Типа того, – сквозь зубы прошептала Аля, закатила глаза и фыркнула, – Я ей давно говорила, что он о ней и не помнит, а она всё ждала чуда, думала, что они встретятся здесь и всё будет как в сказке.

– Ясно, – тихо выдохнул парень. – Ты б хоть подошла к ней, увела куда-нибудь, она же сейчас разревется прямо здесь.

– Да, надо, – кивнула Алина, покосившись на замершую в ступоре Свету, продолжающую улыбаться в пространство. – Пойду. Скажешь нашим, что мы в туалет ушли.

Она подхватила подружку под локоть и утащила в сторону большого спорткомплекса, я даже в туалет с ними зашёл, надеясь послушать, о чём они будут говорить. Но вопреки ожиданиям, Светка вообще ничего не сказала. Аля трещала как радио, тормозила подружку, пыталась обнимать – фиг. Света только флегматично пожала плечами:

– Да ладно, можно подумать, мы обручены были. Невелика потеря, переживу.

Я ускорил время и опять стал мотать его вперёд, неотступно следуя за ней в ожидании, когда же она сорвётся. Не дождался. Она до самого вечера проходила с напряжённой улыбкой и не отказалась пойти ни на одно мероприятие, куда бы её ни тянули мама или Алина. Ходила, улыбалась, смеялась... Ближе к вечеру её поймал у комнаты тот парень, который разговаривал с Алиной, попытался завести разговор, но она делала вид, что не понимает, о чём речь, а спустя полминуты из-за двери выглянула мама-тренер и отправила парня подальше, а Свету в постель.

Она не заплакала даже тогда, когда потушила свет и укрылась. Боль клубилась вокруг неё таким плотным комом, что я готов был разрыдаться сам, даже стоя в нескольких метрах от неё. А она лежала, глядя в стену сухими пустыми глазами, разве что улыбаться перестала, и дышала так, как будто заставляет себя делать вдох за вдохом. И всё.

На следующий день с ней опять начала обсуждать Олега подружка, но Света обрубилась в самом начале:

– Аль, я тебя попрошу один раз и ты меня, пожалуйста, послушай. Я не хочу больше о нём говорить, никогда, понятно? У него есть девушка, так что мне до него дела нет. Тема закрыта.

Алина стушеввалась и согласилась, но всё равно ещё несколько раз начинала о нём заговаривать, каждый раз выхватывая Светкин холодный взгляд и затыкалась. А через время забывала и начинала снова. Мама-тренер её состояние заметила, спросила в чём дело, но получив ответ «просто нервы», полностью удовлетворилась и больше не спрашивала. С той встречи и до её выступления прошло две недели, за эти две недели Светка ни разу не плакала и больше этого Олега не видела, со временем болью от неё тянуло всё слабее, зато у неё ощутимо портился характер. Она стала огрызаться практически на любое слово мамы-тренера, откровенно хамить Алине и ещё паре девочек из компании, раздражаться по любому поводу и нервно дёргать замки на карманах каждую свободную секунду.

Я понаблюдал эту неприятную метаморфозу и решил немного разведать ситуацию, разжившись информацией из первых рук. Когда я вернулся в ту секунду, в которой оставил болеющую за пловцов Светку, она всё ещё прыгала с широкой улыбкой и держала кулаки за соотечественников. Когда парни проплыли и по громкой объявили победителя, Света запищала и с радостным смехом бросилась мне на шею:

– Ура! Наши взяли и первое, и второе, представляешь?! Ты понимаешь, а, понимаешь?! – она отпрыгнула от меня и с улыбкой раскинула руки, обнимая весь мир, – Ты представляешь? Ты посмотри на тренера, он сейчас взорвётся от гордости!

– Классно, – солидарно кивнул я, понемногу поддаваясь всеобщему восторгу. – Молодцы, круто. Может, сходим спортивную гимнастику посмотрим?

– Так у них уже всё закончилось, даже финалы. – Её улыбка стала напряжённой, опять немного потянуло болью, но уже совсем не так сильно. Я сделал вид, что не заметил.

– Это же не проблема, забыла? – я улыбнулся, разводя руками, – Перемотаем на начало и посмотрим, мне интересно. По-моему, это вообще самый красивый мужской спорт в мире.

Света замялась. Нервно похрустела пальцами, глядя куда-то в дальний край бассейна и пожала плечами с тяжким вздохом:

– Я хочу ещё финал по стометровке посмотреть, там тоже наш один есть. Иди сам посмотри, а?

– В чём дело? – игриво улыбнулся я. – Тебе что, так нравятся пловцы?

– Мне нравится их тренер, – тихо рассмеялась она. – Ну правда, сходи сам, я не особенно люблю спортивную гимнастику.

И опять эта напряжённая улыбка, в комплекте с нервно вжимающей молнией на кармане штанов. Я сделал голос загадочным и наклонился к ней, тихо шепча:

– Ты не любишь гимнастику глобально или одного конкретного гимнаста? – она замерла и скосила на меня глаза, я загадочно приподнял бровь, кивнул, – Да, ангелёнок, дело не в спорте, а в спортсмене. Олег, если я не ошибаюсь?

– Откуда ты знаешь? – переставая улыбаться, прошипела она. Я развёл руками:

– Ну я же ангел. Расскажи мне о нём.

– Да нечего рассказывать, – поморщилась она. – Мы познакомились прошлым летом на сборах, замутили секретную любовь и после лагеря ни разу не виделись и не переписывались. Встретились здесь в день открытия, две недели назад, он поздоровался и представил всем свою девушку. Всё.

– И ты возненавидела весь мир, – пропел я в потолок, она фыркнула и промолчала. – Эй, мне правда интересно. Это он – причина твоей депрессии и желания уйти из спорта? Всего лишь какой-то несчастный один парень?

– Нет, – неохотно ответила Света, помялась и ещё неохотнее добавила, – наоборот. Он был последней причиной сюда ехать, последним аргументом «за»... и слился в день открытия. И я поняла, что кроме него, меня больше ничего здесь не держит. – Она задумчиво смотрела в синюю воду бассейна, я рассматривал её лицо – грустное, обиженное и бесконечно усталое. – Я так подумала, я наверное знаю, что нужно делать. – Она попыталась улыбнуться и подняла на меня глаза. – Мы ездили осенью на чемпионат мира, после которого окончательно определился состав команд для олимпиады, я там выступила идеально и стала вторым номером после Юли, она стопудово должна была ехать, потому что уже завоёвывала олимпийское золото и её кандидатура уже была утверждена. А за второе место была нештучная борьба и я победила, а сразу за мной шла Алина. – Она криво улыбнулась и приподняла плечи. – Если бы я допустила хотя бы одну ошибку, а лучше даже получила травму, то на моём месте сегодня была бы Аля, а я бы вообще сюда неехала. От командных я бы как-нибудь отмазалась, там и без меня есть кому выступать. И меня бы здесь не было. – Она опять устала в воду, зал шумел, начали готовиться к новому заплыву. Света выпрямилась и серьёзно посмотрела мне в глаза, – Давай так и сделаем?

– Давай сделаем вот как, – вздохнул я, – ты сначала определишься, чем бы ты хотела заниматься в жизни. Представь, что у тебя есть возможность начать жить с чистого листа, вообще полностью, как бы ты хотела жить? Чем бы хотела заниматься, как проводить свободное время, с кем общаться?

– Я не знаю, – не задумываясь ответила она. – Я же говорила тебе, у меня не было другой жизни, кроме спорта, я ничего кроме спортзала не видела.

– Ну так полетай и посмотри, – терпеливо предложил я, – Ты не умеешь проматывать время, но умеешь летать. Искать умеешь?

– Да, Гавриил научил, – кивнула она, – но я ни разу не пользовалась.

– А зря. Поищи разных интересных людей, звезд там, или великих учёных, или путешественников, фотографов, музыкантов – кого угодно. Посмотри, как они живут, подумай, чем из этого ты хотела бы заниматься. И как только ты сможешь уверенно сказать «хочу жить вот так» – я мигом прилечу и помогу это организовать. Идёт?

Она неуверенно пожала плечами, глядя как готовятся к заплыву по ту сторону бассейна. Я похлопал её по плечу и остановил время в её реальности, а сам взмахнул крыльями, вонзаясь в небо и проматывая время на год назад – мне было интересно посмотреть, что же за «секретная любовь» у них была с этим Олегом.

Я переместился в самое начало, здесь было удивительно хорошо. Лето, солнце, море, серебристые горные вершины и утопающие в зелени корпуса спортивного лагеря, перемежающиеся волейбольными площадками и извилистыми аллеями парка. Лагерь прилепился к скале на границе морского побережья и густого хвойного леса, причём различить сам лагерь сверху было сложновато из-за того, что его построили практически в самом лесу, втиснув здания между деревьями. Шесть корпусов и два спортзала, соединённые узкими аллеями и множеством свежепротопанных тропинок, соединяла с большим миром всего одна дорога, вливавшаяся в скоростное шоссе, опоясывающее всё побережье. До ближайшего города нужно было ехать на машине, даже поднявшись под облака, я еле различал его на горизонте. Правда, километрах в пяти от лагеря была небольшая деревенька, но вряд ли она могла сойти за оплот цивилизации в этом царстве лесистых гор и бескрайнего моря.

Сильно ускорив время, я промотал прибытие Светкиной группы в лагерь, заселение, знакомство с девочками из отряда, суматошный первый день, наполненный разведывательными мероприятиями и новыми открытиями. Замедлился я только вечером, когда толпы намарафеченных красавиц собрались на первую дискотеку – увидел рядом со Светкой того самого Олега и подлетел ближе. Ничего нового и необычного не увидел – они познакомились, общались, смеялись, по-детски заигрывали со всеми подряд и получали от жизни удовольствие по полной. Я опять ускорился, неотрывно следя за Светой, не сразу понял, что кажется мне странным – мамы её здесь не было. Без тотального контроля Света выглядела спокойнее и увереннее, да и вообще счастливая улыбка практически не покидала её мордашку, чего я на олимпиаде не наблюдал.

В ускоренном темпе неслись утренние пробежки по лесным тропинкам, тренировки в зале два раза в день, волейбол и настольный теннис в свободное время – рай для активного подростка! В тех лагерях, где прошло моё детство, всё было прозаичнее, вместо тренировок и спорта мы в основном убирали территорию и играли в глупые игры толпой. Но мне всё равно нравилось.

Со своим Олегом Света общалась так же, как со всеми остальными друзьями, мне даже скучно стало. Но на четвёртый день всё изменилось. После первого медляка они смылись с дискотеки, растворившись в тёмных аллеях на краю лагеря, а потом вообще совершенно криминальным образом перелезли через забор и пошли по тропинке куда-то в лес. Через время вышли к костру, вокруг которого уже дожидались их ещё три парочки, среди которых была Алина с незнакомым мальчиком, они жарили на костре куски хлеба на тонких веточках и радостно хрустели ими, обнимаясь и смеясь.

Здесь было так хорошо, что я не удержался и тоже сел рядом с ними, прямо на траву, подобрав под себя ноги и глядя в весело потрескивающее пламя. Ребята рассказывали истории, кормили друг друга с рук, обнимались... Светка выглядела такой счастливой, что я больше не находил в себе сил упрекать её в бессмысленных детских иллюзиях и надеждах. Ей было с ним хорошо, он симпатичный парень, с отличной спортивной фигурой и тонким чувством юмора, с ней он обращался мило и внимательно, ничего лишнего себе не позволял – придрататься не к чему.

Промотав вперёд ещё несколько дней, я увидел достойную Голливуда картину «храбрый герой возвращается из опасного похода с трофеями», это было нечто. Во время тихого

часа, незадолго до полдника, кто-то постучал в окно Светкиного корпуса. Девочки подхватились и ринулись к окну, открыли храброму герою форточку и дали воды попить и полотенце вытереть вспотевшую физиономию. Герой отдышался, встал в полный рост и с эпично-пафосным выражением лица задрал футболку, продемонстрировав примотанные скотчем к груди и животу упаковки орешков, мармеладок и прочих конфет. Заморённые салатиками гимнастки прыгали от счастья и лихорадочно делили вожделенные вкусняшки, запихивая в рот скорее, пока не пришёл злой тренер и не отобрал.

А Света смотрела на героя, который отдирает от рельефного торса остатки скотча и делает вид, что он просто так, из чистого человеколюбия линяет с тихого часа, лез через забор, бежал пять километров по раскалённому асфальту до ближайшего села, покупал конфеты и бежал пять километров обратно, потом пробирался мимо тренерских застав и вот теперь, осчастливив десяток девчонок, с чувством выполненного долга пойдёт в свой корпус получать от тренера за все свои художества. Когда он полез обратно в форточку, она что-то ему шепнула и полезла следом. Дальше я не смотрел – было неудобно подглядывать, там и так всё ясно.

Промотав в ускоренном темпе все двадцать четыре дня смены, я насмотрелся весёлых и романтических сцен, достойных подростковых сериалов и успел целиком и полностью понять Свету – этот Олег был действительно классный парень, она в нём не ошиблась. Ошиблась она в другом – когда приняла всерьёз отношения, закрутившиеся в летнем лагере. Ведь это всем известно, лагерная романтика – любовь со сроком годности, самая предсказуемая вещь в мире. Если вам по шестнадцать лет, вы живёте в трёх сутках езды на поезде, встретились в первый раз в жизни и сразу влюбились – ваша любовь растает с рассветом сразу после королевской ночи. Потому что вы больше не увидите. Все это знают, но по негласному закону взаимного молчания делают вид, что смена никогда не закончится, потому что после отъезда «любовь до гроба» станет не более чем одним из ярких, приятных воспоминаний.

А она почему-то ждала встречи с ним целый год. Хотя сама же сказала, что они не общались и не переписывались. С чего бы? Я вспомнил, как радостно приветствовал Олег Алину, гораздо теплее, чем всех остальных. Эта, с позволения сказать, подружка мне изначально не нравилась, я решил изучить её повнимательнее и с самого начала.

В первый раз Света встретилась с Алиной на тренировке в спортзале, где кроме них занималось ещё человек десять. Тощая тренерша, которую я уже видел на олимпиаде, представила всем новенькую, заставив Светку неуютно замяться под изучающими взглядами. В течение всей тренировки на неё по очереди пялились абсолютно все, но никто не подошёл. Когда девочки вышли из спортзала, Алина поймала Свету в раздевалке и сразу же обстреляла вопросами, потом прилепилась к ней намертво и утянула за собой в столовую. Светка села за стол и достала принесённый с собой контейнер, а Алина оставила сумку на стуле и побежала за своей порцией. И почти сразу из-за соседнего стола встала девочка, в которой я с трудом узнал ту самую Юлю, которая потом поехала на олимпиаду – без макияжа она выглядела совсем не так эффектно. Девушка решительно выдвинула себе стул и села напротив новенькой, без вступлений поманила её пальцем и шёпотом сказала заинтересованно наклонившейся Светке:

– Знаешь такую игру, когда один становится на стул и падает, а второй ловит? «Падение на доверие» или что-то вроде того?

– Ну? – кивнула заинтригованная Света. Юля косо ухмыльнулась и дёрнула бровью в ту сторону, куда ушла Алина:

– Если за моей спиной будет стоять она, я ни за какие деньги не упаду. И ни один человек в этом здании не упадёт. Сечёшь?

– Э... – Света напряжённо нахмурилась, понизила голос. – И зачем ты мне это говоришь?

– Затем, чтобы будущая олимпийская надежда не грохнулась спиной об пол, – с кривой улыбкой выпрямилась она. – У тебя здесь нет друзей, запомни это.

Света наполовину удивлённо, наполовину обречённо хохотнула, грустно пожала плечами и уже собралась что-то сказать, но не успела. Вернулась с подносом Аля и ядовито-сладким тоном пропела:

– А что это ты тут делаешь? Решила снизойти к простым смертным?

– Решила предупредить непосвящённых о том, какая ты сука. – Юля с зубастой улыбкой встала, звонко хлопнув ладонями по столу, шутливо кивнула Свете и вернулась за свой стол. Алина скривилась ей в спину и села, ехидно улыбнулась:

– Юлька бесится из-за твоего приезда, боится, что ты её подвинешь.

– Она олимпийская чемпионка, – пожала плечами Света, – с чего ей меня бояться?

– О, всё не так просто, – злорадно поиграла бровями Аля, копаясь вилкой в салате. Сменила ненавидящим взглядом Юлю и довольным тоном пропела, – ей скоро двадцать лет. Гормоны играют, задница растёт, травмы копятся, старые вершины уже покорены, а для новых силёнок маловато. Вот увидишь, даже если она попадёт на олимпиаду, золото ей не светит, она уже совсем не так хороша. – Аля оторвала взгляд от соперницы и улыбнулась Свете, – да она вообще может туда не попасть, если осенью пролетит на мире, а это вполне вероятно.

– Не дождёшься, – громко рыкнула Юля через плечо. Девочки за её столом тихо засмеялись, Света смущённо опустила голову. Аля криво улыбнулась:

– Посмотрим, – расправила плечи и в упор посмотрела на Свету. – Я видела твои выступления, тебе прочат и мир, и олимпиаду, по-моему – заслуженно. Юлькина звезда уже закатилась, а мы с тобой только набираем высоту. Давай поможем друг другу и покажем класс всему миру, а?

Она протянула руку и Света с неуверенной улыбкой пожала её, смущённо кивнув:

– Я тоже видела твои выступления, очень достойно. Тебе ещё немного поработать и будет вообще идеально.

– Ну вот и поработаем, – довольно улыбнулась Алина. – Я слышала, твоя маман – настоящий деспот.

– О, да, – округлила глаза Света, уставившись в стол.

– Но она сможет вывести нас на новый уровень, – улыбнулась Аля.

– Да, – кивнула Света, не поднимая глаз, – сможет. Если захочет.

Я не понял причин её напряжённости и стал смотреть дальше, всё быстрее проматывая день за днём – тренировки, учёба, опять тренировки...

Месяц летел за месяцем, а ничего кроме спортзала я не видел. Светка вставала утром, завтракала вместе с мамой и они ехали на тренировку. Потом она училась в соседнем здании, обедала и опять тренировалась. После тренировки ехала домой, где её ждал репетитор, час занималась с ним французским и ещё час делала домашнее задание. Потом возвращалась в интернат, символически ужинала и опять тренировалась, только теперь не с группой, а только с мамой. До ночи. Реально до поздней ночи, после чего они ехали домой и ложились спать, а завтра всё повторялось по новой. День за днём. Мне даже смотреть на это было тоскливо, как она умудрялась так жить?

В дни, когда учёбы не было, тренировки могли длиться весь день с перерывами только на еду и теоретический разбор выступлений. Мама-тренер не отходила от Светки ни на шаг, сама готовила ей контейнеры с едой и не позволяла есть ничего, кроме того, что сама ей давала. Просмотрев по диагонали всего месяц их совместной жизни, я охренел от уровня

тотального контроля, которым окружила Свету её мамаша. Она решала, что ей есть, что пить, что надевать, что брать с собой, что делать в каждую отдельно взятую минуту жизни. Раз в неделю они ходили вдвоём куда-нибудь «развлекаться», за первый месяц я насчитал два музея, кинотеатр и концерт симфонической музыки. Света выносила эти развлечения с тем же выражением лица, с которым делала в двадцатый раз одно и то же на тренировке – мама сказала сделать, ей виднее, проще молча послушаться, чем нарываться на скандал.

Скандал я видел всего один, он состоял из робкой попытки Светы отпроситься в воскресенье с девочками погулять по городу. Мама-тренер полчаса объясняла дочке все ужасы и опасности прогулок по центру города в компании толпы несовершеннолетних, недисциплинированных и плохо воспитанных девочек, фатальные последствия попадания в организм алкоголя, табачного дыма и обработанных углеводов, а так же печальные перспективы остаться без вождельных медалей в случае контакта с подростками противоположного пола. Хотя лично я никакой логики в её рассуждениях не нашёл, излагала она с жаром и уверенностью молодого Гитлера, Света печально вздыхала и соглашалась, звонила Але, говорила, что у неё много дел и она не сможет.

Сразу после того, как Светка попрощалась с подружкой и положила трубку, в комнату вошла её мама, несомненно слышавшая весь разговор до последнего слова. Подпёрла спиной дверь и хмуро сложила руки на груди:

– Свет, я не пойму, чего ты так вцепилась в эту Алину? У неё на лбу написано, что она стерва, считающая себя центром вселенной.

Света отвела глаза и поджала губы, как будто обдумывала ответ, хотя мне казалось, что она просто редактирует то, что хочет сказать, понижая уровень агрессии.

– Ма, – наконец решилась она, – давай я сама буду решать, с кем мне дружить.

– Нет ты не будешь решать! – рыкнула мама. – Ты бестолковая и доверчивая, как пятилетний ребёнок, наивно верящий, что если быть добрым и хорошим, то весь мир будет за тебя!

Света медленно вдохнула, нервно сжимая кулаки и тихо сказала:

– Ты хочешь, чтобы у меня вообще не было подруг?

– Она тебе не подруга! – хлопнула себя по лбу мама, нервно потёрла лицо и села на кровать рядом со Светой, – Ну как ты не видишь, она завидует тебе, твоей красоте, таланту и трудолюбию! Пока вы вместе тренируетесь, вы не будете подругами, никогда...

– Мы команда, – тихо перебила её Света, – мы помогаем друг другу.

– Да какая команда, протри глаза! – фыркнула мама, – Эта Аля тебя ненавидит, она всех ненавидит, но тебя и Юлю больше всего, потому что вы её прямые конкурентки. Ты говоришь, помогаете – когда? Ты ей – да, помогала, я видела. А она тебе – ни разу. Скажешь, нет?

Света медленно пожала плечами и тихо сказала:

– Мне нечему у неё учиться.

– Именно! – развела руками мама. – Ваша «дружба» выгодна только ей, а тебе от неё никакого толку.

– В дружбе и любви нет практического смысла, – тихо сказала Света, рассматривая свои пальцы. – Если есть выгода, то это не дружба и не любовь.

– Ой, девочка моя, какая же ты ещё глупая, – издевательски рассмеялась мама-тренер и потрепала дочь по плечу. – Женской дружбы не бывает, да и мужской тоже. Вся эта якобы «дружба» – просто временные партнёрские отношения, для удобства выживания в социуме или в целях банальной выгоды. Стоит возникнуть малейшему конфликту интересов – конец дружбе, и не имеет значения, сколько лет она длилась. А в вашей компании конфликт интересов стоит так остро, что дальше некуда, потому что первое место одно и по-братски его не поделишь, как бы не были вы все хороши, кто-то один всё равно будет лучше других. На данный момент ты там лучшая, это видят все и они все желают тебе чего угодно, только

не успехов, потому что твой успех – это их поражение. Они могут улыбаться, могут водить тебя гулять, могут предлагать тренироваться вместе, но они всегда помнят, и ты должна помнить – первое место одно. И стоять на нём ты будешь в одиночестве, глядя на них всех сверху вниз. – Она замолчала, криво улыбнулась и как-то очень грустно сказала, – и поверь, никто, ни один человек в мире так не ненавидит золотого призёра, как серебряный призёр.

Света молчала, с тем же выражением лица, с которым делала двадцать первый идеальный раз после двадцатого идеального раза – я не думаю, что это нужно делать, но если ты так хочешь, я сделаю, потому что это проще и легче, чем пытаться что-то тебе доказать. Её мама с полным пониманием посмотрела на её выражение лица, вздохнула и криво улыбнулась:

– А о любви вообще молчи, ты ещё маленькая для того, чтобы что-то в ней понимать. В вашем возрасте надо думать об олимпиаде, а не о мальчиках, тем более что им всем нужно от вас только одно, а тебе это сейчас нужно меньше всего. Не отвлекайся на всякую ерунду и станешь чемпионкой, а я тебе помогу.

Света молча изучала ладони, с физиономией «двадцать второй раз... ну что ж, мне не сложно. Я и двадцать третий могу, и двадцать четвёртый».

Мама поцеловала её в макушку и вышла из комнаты, оставив дверь приоткрытой, Светка переплела пальцы, медленно вдохнула полную грудь и запрокинула лицо к потолку, как будто вопрошая его, что она сделала не так в прошлой жизни и как теперь это исправить.

Я потёр грудь, чувствуя внутри щемящее чувство, похожее на обречённое осознание собственной ничтожности и полной бессмысленности существования. Подумал, что я мог бы ей сказать, как утешить... не придумал. Она не нуждалась в утешении и не чувствовала себя несчастной, она просто сидела и смотрела в потолок, потихоньку смиряясь с тем, что в жизни ничего не изменилось. Её жизнь не была хорошей и не была ужасной, ей было попросту не с чем сравнивать. Я постоял рядом ещё минуту, но так ничего и не решил, тихо вышел сквозь стену и полетел обратно в Рио.

Пловцы готовились, Светка прыгала и блесгла глазами, потом взлетела и сделала круг над бассейном, от полноты чувств выписав в воздухе такой замысловатый крендель, который я не решился бы повторить даже в отсутствие гравитации и при полной уверенности в собственной неуязвимости. Я смиренно дождался её приземления и только потом спросил:

– Слушай, Свет... а тебя не смутило то, что когда этот твой Олег увидел вашу сборную, то в первую очередь поздоровался с Алиной, причём очень тепло?

– Нет, а должно было? – флегматично пожала плечами она. От неё опять потянуло холодом и обидой, я прикинулся, что не чувствую.

– Ну, вы ведь не общались с ним?

– Я не общалась, а она – да, – ненатурально улыбнулась Света, – у неё интернет есть.

– А у тебя что, нету? – округлил глаза я, она качнула головой и дёрнула плечами:

– Нету. Зачем? У меня всё равно нет на него времени.

Я охренел. Я уже лет десять не представлял себе жизнь без сети, без возможности мгновенно найти нужную информацию и проверить её, без постоянного мониторинга новинок в игровой и музыкальной индустрии, без всяких смешных котиков – да как вообще можно жить без котиков?!

– У тебя серьёзно вообще нет интернета? – всё ещё надеясь, что чего-то не понял, переспросил я. Света насмешливо приподняла плечи и кивнула:

– Да, у меня нет интернета, ты не ослышался. Когда мы только переехали в Москву, мама купила ноутбук и подключила интернет, но мы им почти не пользовались и она отказалась от него. А потом, когда я попросила опять подключить, она... – Светка замялась, отвела

взгляд и отмахнулась, – она не стала, короче. Слушай, а почему тебя это интересует? – Она подозрительно прищурилась, я замешкался с ответом и остановил время, чтобы не затягивать паузу.

Алина. Подружка-стервочка, у которой есть интернет. Так-так.

Я прыгнул в небо и опять перенёсся в спортивный лагерь, только на этот раз стал следить за Алиной. В супер ускоренном темпе, замедляясь только тогда, когда подружка оказывалась рядом с Олегом или наедине со Светой. Это происходило редко и чаще всего случайно. Один момент меня очень позабавил, когда на третий день смены, собираясь на дискотеку, Света по секрету призналась подружке, что ей нравится Олег. Подружка выслушала и смущенно-виновато вздохнула:

– Светик, не хочется тебя расстраивать, но по-моему, ему нравлюсь я.

Особенно весело было на это смотреть, зная, что парень вообще за три дня ни разу не обратил на неё внимания. Алина увидела как Светка поражённо замерла и тут же сочувственно поджала губы и заломила бровки:

– Слушай, да я же к нему никак, забирай хоть сейчас. Я просто боюсь, что ты попытаешься и обломаешься... Мы с ним говорили о тебе, он сказал, что ты, ну, – она замаялась, так неуютно и виновато, что Света ободряюще тронула её за руку:

– Я – что?

– Не в его вкусе, – прошептала Алина. – Прости. Он тебе прямо сильно-сильно нравится?

Волна едкой обиды поднялась на секунду и опала, Света неуверенно улыбнулась и пожала плечами:

– Да ну, мы три дня знакомы. Ладно, ничего страшного.

Они продолжили собираться и наряжаться, потом пошли на дискотеку, в разгар которой Алина смылась, захватив с собой Олега якобы поговорить по важному секретному делу, а по факту – охмурять. Она вилась вокруг него, как кобра, но парень, похоже, либо что-то о ней знал, либо просто спинным мозгом чуял подвох и не повёлся. А на следующий день Алина наплела Свете, что они с Олегом на дискотеке разговаривали о ней и добрая подруга полтора часа со всех сторон рекламировала Светку. Света была нечеловечески смущена и благодарна.

Потом Олег несколько раз пересекался со Светой днём, они общались, а вечером на дискотеке он приглашал её на каждый медляк и в процессе откровенно заигрывал. От Алины в это время тянуло такой злостью, что я восхищался её феноменальными актёрскими способностями, позволяющими улыбаться и изображать радость за подругу. Причём сам Олег ей был, судя по всему, не интересен, ей просто не давало покоя чужое счастье.

Внимательно просмотрев с самого начала все три дня смены, его разговора с Алиной по поводу «не в его вкусе» я так и не нашёл. Они вообще не разговаривали, она всё сочинила. Быстро пролистав остаток смены, я ещё не раз увидел проявления недюжинной фантазии и актёрского таланта Алины и сильно удивлялся, как Света может этих выкрутасов в упор не замечать.

Под конец смены Алину невзлюбил даже Олег и попытался донести до Светы своё мнение. Дискотека давно закончилась, да они и так половину пропустили – у них были более важные дела. Облазить окраины парка, повисеть вверх ногами на брусках, посидеть на самом верху шведской стенки, рассматривая звёзды, походить по забору, огораживающему баскетбольную площадку. У меня от каждого её шага по этой ненадёжной шатающейся сетке трёх метров высотой мелко тряслось где-то под коленями, я бы туда даже с альпинистской страховкой не полез. А она ходила, плавно и осторожно, балансируя расставленными руками и радостно улыбаясь. А когда Олег крикнул «прыгай, я поймаю» мне вообще поплохело. Но она прыгнула, а он поймал, что их обоих совершенно не удивило, но дико удивило

меня. Я бы никогда в жизни так не рискнул здоровьем своей девушки, будь я хоть трижды олимпийский чемпион. Они смеялись и целовались, он подбрасывал её в воздух, я почему-то вспомнил её слова про папу. Почему она вечно только с мамой? Надо выяснить.

Парень провёл Светку до её корпуса и они опять залипли за углом у самых дверей, Света что-то сказала про Алину и Олег поморщился, а потом осторожно попытался её просветить:

– Светик, слушай... ты эту Алё давно знаешь?

– Пару месяцев, а что?

– Тебе не кажется, что она, – он помялся, подбирая слова и выдавил, – не такая хорошая подруга, как хочет казаться?

– Не кажется, – мягко улыбнулась Света, нежно проводя ладонью по его щеке, – я это отлично вижу и понимаю. Да, она частенько врёт и ещё чаще принимает желаемое за действительное, но она не со зла, она просто такой человек. – Она пожала плечами, с улыбкой закатывая глаза, – она живёт в своём особом мире, где её фантазии мешаются с реальностью и толкают её на ещё более нелепые фантазии, ей в голову иногда приходят такие сумасшедшие идеи, что я диву даюсь! Но если об этом знать и не воспринимать их всерьёз, то она безобидная, поверь.

– Я не был бы так уверен, – двинул челюстью парень. – Ну, как хочешь, моё дело – предупредить. – Он достал мобильный и проверил время – десять минут первого. Света ахнула:

– Ой, блин, мы загулялись! Давай беги.

– Ещё минутку, – прошептал он, обнимая её крепче и улыбаясь, она хихикнула:

– Ты же знаешь, каждая минута – плюс десять отжиманий. А мы с тобой уже на сотню нагуляли, иди быстрее.

– Отожмусь, – отмахнулся парень, – это же не в один подход. – Наклонился и опять поцеловал её, прошептал, – пообещай, что мы встретимся на олимпиаде.

– Это будет очень смело, – хихикнула Света.

– А мы не из пугливых, – он с улыбкой тронул носом её нос и улыбнулся. – Ну, давай. Лично я наизнанку вывернусь, чтобы туда попасть, а ты уже одна из лучших в своей стране. Если хорошо выступишь осенью и хорошо поработаешь весь этот год – ты поедешь в Рио, Свет. А я бы очень хотел тебя там увидеть. Обязательно подключи себе интернет, как вернёшься, обязательно. И найди меня, хорошо?

– Хорошо. – Они опять стали целоваться, он опять достал телефон – тринадцать минут первого. Она вздохнула, – беги, время.

– Грёбаное время, – он опять посмотрел на экран и с досадой сжал губы, – ещё пять... три минуты и побегу. Иди сюда.

Она тихо рассмеялась и опять стала целовать его. Я взлетел чуть выше и увидел смотрящую на них из окна Алину. И ей сильно не нравилось то, что она видела.

Промотав ещё несколько дней, я увидел как Света пытается уговорить маму подключить интернет. Печальная была картина, особенно когда мама сказала, что тренерша, которая ездила с группой в лагерь, рассказала ей в подробностях всё, что там происходило, включая детальные психологические портреты всех мальчиков, которых засекала рядом со Светкой. Потом была полуторачасовая лекция о её недостойном поведении и окончательный вердикт – никакого интернета и ноль на счету мобильного. Навсегда.

Света сделала физиономию «как хочешь, но ты об этом пожалеешь» и разобиделась на маман, на три дня перестав с ней разговаривать иначе, чем по делу. Мама-тренер, которая

и раньше с ней кроме как по делу почти не разговаривала, похоже, вообще ничего не заметила. А потом Светка сама отошла.

Через пару дней она получила несколько sms от Олега, но ответить не смогла – денег не было. Пожаловавшись подружке, получила великодушное приглашение в гости, на чай с интернетом, но не пошла, потому что мама не пустила. На следующий день Алина притащила ноутбук на уроки и показала Светке, что такое социальная сеть. Света была в восторге. Они долго создавали страничку, так что на поиск времени не хватило, тем более что в самый неподходящий момент пришла мама-тренер и погнала дочь тренироваться. Алина пообещала поискать самостоятельно и всё-всё рассказать.

А потом начался полный беспредел.

Меня вообще изначально смутила идея создавать страничку с чужого компа, а учитывая вопиющую компьютерную безграмотность Светы... Её глаза при слове «спам-фильтр» живо напомнили мне мои юные годы, когда я курсе на втором шабашил админом-тыж-программистом в одной мелкой конторе, занимавшейся бухучётом. Там было два десятка трепетных светловолосых созданий с большими системными требованиями и маленькой оперативной памятью, которым я писал на пробеле «any key», на кнопках мыши «левая» и «правая», на кабелях «не выдёргивать, а то не будет интернета», а на серверном компьютере «Не выключать. Никогда. Вообще никогда. Даже на выходные». Этих дамочек доводили до истерик проблемы, решаемые нажатием клавиши «NumLock» или перезагрузкой компьютера, они «случайно» делали с техникой вещи, которые я затруднился бы повторить даже при наличии инструментов, они вводили пароли капсом и говорили, что всё сломалось и я обязан срочно приехать... весёлая, короче, у меня была работа.

Что касается Светки, она о пароле даже не заикнулась. То ли настолько доверяла, то ли вообще не знала, что такое существует. Это было большой ошибкой.

Когда мама-тренер утатила Свету заниматься, добрая подружка заменила фото аватарки на чуть менее удачное, информацию в профиле на чуть более неверную, а потом подписалась на кучу пабликов и вообще за полчаса превратила её страницу в монстра-клона, сшитого по шаблону, на основе которого оформляют свои страницы бесчисленные полчища ванильных любительниц кофе, пледов и подоконников.

Потом она зашла на свою страницу и я увидел, что Олега она давно нашла и даже переписывалась с ним. Я перематывал дни, поочерёдно читая их переписку и слушая то, что Алина говорит Свете и охреневал всё больше. Это была тихая информационная война, полная намёков, недомолвок, тонкой игры на нервах обеих сторон и безбожного вранья, смешанного с правдой в фантастических пропорциях. К осени Алина окончательно оборзела и начала переписываться с Олегом от имени Светы, а самой Светке показывала специально созданную копию её страницы, на которую писем никто не писал.

Буквально двух недель общения с той гламурной дурой, которой прикинулась Алина, чтобы прикинуться Светой, Олегу хватило чтобы понять, что в спортивном лагере на него нашло временное помутнение и что общаться с этой безграмотной дурой он больше не хочет. Он стал писать Свете реже, а Алине – чаще, добрая подружка рассказывала ему, как Светка тут на самом деле уже давно о нём забыла, а о лагерной любви отзывается как о чем-то детском и несерьёзном. Олег сказал, что удивляться этому было бы наивно и больше на Светину страницу не писал.

С Алиной он продолжал общаться в обычном режиме, особенно не откровенничал, но и не забывал, она комментировала его фотографии и однажды увидев его в обнимку со стройной красавицей, выбила из него признание, что это его новая девушка.

И промолчала.

Это меня удивило больше всего, я чувствовал, какой нереальный триумф окатил Алину от этой новости, мне казалось, что она помчится доносить об этом Светке сию же секунду. Она не помчалась. А спустя месяц, я понял, почему.

Огромный спорткомплекс, куча народа, репортёры и камеры держат под прицелом напряжённые лица гимнасток. Алина ловит Светку за руку в коридоре, перед самым выходом, делает бесконечно сочувственное скорбное лицо с влажными глазами и шепчет:

– Я только что такое узнала, Светик... блин, я не могу в это поверить!

Света оглядывается на шумящий зал, Аля заливается слезами, мама-тренер совсем рядом не может найти дочь и начинает расспрашивать команду, не видел ли кто.

– Пойдём, – Света встревоженно оглядывается по сторонам и уводит подружку подальше, садится рядом с ней на подоконник и успокаивающе гладит по руке. – Ну?

– Твой Олег начал встречаться с какой-то гадиной, – всхлипнула Алина, указала глазами на сумку, – Он только что фотки выложил, – она потянулась за телефоном, но тут из-за угла вылетела мама-тренер и заорала:

– Вы с ума сошли?! Бегом на выход! А ты, – она смерила Алину ненавидящим взглядом и тихо прошипела, – сопли вытри и быстро в зал.

Светка невидяще смотрела под ноги, мама волокла её к выходу, добрая подружка перестала реветь и достала зеркало, аккуратно промокнула слёзы. И улыбнулась, бросив довольный взгляд в спину уходящей паре. Отодвинула зеркало на вытянутую руку и изобразила страстный хищный рык:

– Кто чемпион? Я чемпион! – Спрятала зеркало и выпрямилась, уверенной походкой направляясь к залу.

А я остался сидеть на подоконнике, пытаюсь примириться с тем, что в мире бывают такие люди. Такие доверчивые, как Светка, такие слепые, как её мама, такие... такие, как Аля. Как? Бога точно нет, был бы – они бы по миру не ходили, они бы рождались сразу в разверзнутую бездну преисподней, где им и место.

С неохотой поднявшись, я пешком дошёл до большого зала и посмотрел выступление Светы. Это было невероятно красиво и завораживающе нереально, как будто для этой девочки физические законы решили сегодня сделать исключение и быть помягче. Она прыгала так, как будто у неё уже есть крылья, изгибалась так, как будто у неё нет костей, ловила свой обруч с такой ловкостью, что казалось, её руки его притягивают – ну невозможно так точно угадать, куда он упадёт, если его подбросить под потолок! Я не мог в это поверить, никак. Это магия, так не бывает, обычный кусок ленты, привязанный к обычной палке, в руках обычного человека такого не вытворяет...

Она улыбалась. Так счастливо, как будто только что проснулась и увидела рядом самого любимого человека в мире, услышала самый нежный в мире голос, произносящий «доброе утро... ты такая красивая», с удовольствием потянулась и поняла, что жизнь прекрасна, сегодня и всегда. На неё хотелось смотреть вечно и у меня была возможность. Я перемотал на начало и пересел на другую сторону стадиона, запустил время заново, чувствуя себя ужасно одиноким от того, что рядом не было Ксюхи. Я каждую секунду представлял, как бы ей это всё понравилось, она бы пицчала и прыгала до потолка... как же я по ней соскучился.

Света закончила выступление, послушала аплодисменты, приняла восторженные поздравления от Алины и очень сдержанные от Юли, посмотрела на маму... мама кивнула и тихо сказала «хорошо». И всё.

Я криво улыбнулся, покачал головой и полетел отсюда.

Светка смотрела в пространство перед собой и явно чего-то ждала. Я вспомнил, что она спрашивала за секунду до того и запустил время.

– Свет, если честно, я не понимаю, как ты можешь быть такой слепой.

– В смысле? – прохладно процедила она, я вздохнул:

– Твоя Алина...

Я не успел подобрать слова для определения, Светка фыркнула, подняла на меня бесконечно печальный насмешливый взгляд и тихо сказала:

– Вы все меня совсем душой считаете, да? Почему-то каждый человек, с которым я общаюсь хотя бы день, считает своим долгом открыть мне глаза на то, какая Аля стерва. Неужели вы думаете, что я за столько времени общения с ней этого не поняла?

Я немножко офигел и приподнял плечи, делая вид, что заинтересовался трибунами. Света горько хохотнула, шутливо похлопала меня по спине и философски развела руками:

– Не ты первый, не ты последний.

– И давно ты это поняла? – неуверенно спросил я, она пожала плечами:

– Давно, ещё тем летом на сборах, – задумалась, перестала улыбаться и добавила, – правда, тогда я не осознавала всей глубины проблемы. Понимание в полной мере пришло только на чемпионате мира, когда она за минуту до выступления решила сказать мне, что мой Олег начал встречаться с другой девушкой. – Она криво улыбнулась мне и добавила, – я ей тогда не поверила. Решила, что она врёт, чтобы меня расстроить и чтобы я плохо выступила.

– Почему ты решила, что она врёт? Так верила своему Олегу?

Если честно, эта гениальная стерва была тогда так убедительна, что я бы ни на секунду не усомнился, странно, как Светка поняла.

– Нет, не в Олеге дело, – покачала головой Света, подняла на меня глаза и невесело улыбнулась, – Косметика. Её выдал макияж. – Я нахмурился с непонимающим видом и она пояснила, – она плакала, когда говорила мне всё это. А выступать она должна была почти сразу же после меня, там времени было очень мало, она бы никак не успела заново накраситься. И в такой ситуации, поверь, – она закатила глаза и издевательски фыркнула, – даже если бы Олег явился туда лично и у меня на глазах поцеловал свою девушку, – кстати, она там была, – то я бы приложила все усилия, чтобы не заплакать. Даже я, лично заинтересованное лицо. А ей-то какое дело? Меня ей до слёз жалко стало? – Света хохотнула, покачала головой. – Она знала, что будет плакать и заранее продумала, как сделать так, чтобы её этюд не испортил макияж – водостойкая косметика, слёзы аккуратно стёрла и вуаля! Наше выступление – это всего пара часов, днём по улице ходить с такой боевой раскраской просто неприлично, макияж снимают сразу же после церемонии награждения. Вопрос – зачем ей водостойкая косметика? Дождь на ковре внезапно пойдёт? – она фыркнула и сжала губы с такой болью, что я сразу же вспомнил её лицо в тот момент и решил спросить:

– Так ты ей не поверила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.